9(с)174/6
О-75

238—
897

№ 42.

М. А. Осоргинъ.

9(с)174/6
О-75

Про нынѣшнюю войну и про вѣчный миръ.

Изданіе второе.

Цѣна 20 коп.

ЗАДРУГА

А. О. Р.
Книгохранилище № 2179
Инв. № 29482
12135 К

МОСКВА—1917.

1952 г.

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
№ 88293 1954

1. Война—горе, не дѣло народное.

Война есть величайшее изъ народныхъ бѣдствій. Все, что накапливаетъ страна за долгіе годы мирной жизни, она разомъ теряетъ за первый же годъ войны, и теряетъ невозвратимо. Можно вернуть земли, можно вернуть деньги, но жизнь людей, погибшихъ на полѣ битвы, молодыхъ, нужныхъ для семьи работниковъ, не вернуть никогда. Война есть общее безуміе, война—убійство, и вызвать войну есть тягчайшее изъ преступленій.

Съ этимъ всѣ согласятся, объ этомъ нѣтъ спора и разногласій. И окончить войну какъ можно скорѣе—также общая мечта. Русскій, нѣмецъ, французъ, австріецъ, бельгіецъ, англичанинъ, турокъ сербъ, болгаринъ, японецъ, румынъ,—у всѣхъ одна мечта и одна надежда: скорѣе окончить кровавый споръ, вернуться по домамъ къ мирной работѣ, къ устройству дѣлъ домашнихъ, къ радостямъ и заботамъ семейнымъ, въ родные поля и города.

Но какъ это сдѣлать? На чемъ примириться? Кто первый броситъ ружье? Чье дѣло признать правымъ? На кого возложить вину и отвѣтственность за годы кровопролитья?

Если бы можно было, бросивъ ружье, навѣрное знать, что и врагъ броситъ свое и протянетъ объятья для мира,—было бы незачѣмъ ждать больше. Но такой надежды ни въ комъ нѣтъ. Бросишь ружье,—а врагъ подхватитъ его и тебя же имъ поразитъ твою же землю отниметъ, радуясь твоей добротѣ и глупости. И за твое открытое сердце и твое желанье мира кровью заплатятъ другіе, твои же братья, на защиту которыхъ ты поставленъ. И они будутъ правы, когда назовутъ тебя предателемъ твоей родины и твоего солдатскаго долга.

Такъ, другъ противъ друга, полки противъ полковъ, какъ стѣна противъ стѣны, стоятъ солдаты враждующихъ странъ, русскіе противъ нѣмцевъ, румыны противъ австрійцевъ, сербы противъ турокъ, наши союзники противъ нашихъ враговъ. И не человѣкъ противъ человѣка, такъ какъ вѣдь нѣтъ вражды между отдѣльными людьми, а страны противъ странъ, народы противъ народовъ.

Каждый изъ этихъ народовъ любитъ свою страну и въ правѣ ее защищать. Мы не можемъ винить нѣмцевъ за то, что имъ ихъ Германія дороже, чѣмъ наша Россія, своя жизнь дороже чужой. Народъ германскій мы не винимъ въ томъ, что онъ борется за

свою страну, какъ мы боремся за свою. Но уступать ему мы не можемъ и не должны. Уступить ему, значило бы уступить его правительству, которое послало его на преступленье, которое отвѣтственно за три кровавыхъ года войны.

Нѣмецкій солдатъ такъ же исполняетъ свой долгъ, какъ исполняетъ русскій. Ему приказано—онъ идетъ, онъ стрѣляетъ, его убиваютъ. Можетъ быть онъ чувствуетъ, что его страна неправа,—но этотъ вопросъ рѣшать не его дѣло, ему объ этомъ и подумать некогда. —

Вспомните нашу войну съ Японіей. Россія была неправа, начавъ ту войну. Солдатъ чувствовалъ неправду и неохотно шелъ на войну; но онъ все-таки шелъ, бился на смерть и умиралъ, проклиная тѣхъ, кто послалъ его на бойню за неправое дѣло. Не такъ-ли бьется и умираетъ сейчасъ и солдатъ нѣмецкій? Да и понимаетъ ли онъ вполнѣ ясно, что его обманули, сказавъ, что это не Германія напала на Россію, а Россія захотѣла оттягать отъ Германіи ея земли и поработить ее? Тоже вѣдь и нѣмецкій мужикъ не Богъ знаетъ какой мудрецъ, и его обмануть не трудно. А кто слыхалъ про муштру въ нѣмецкомъ войскѣ, тотъ пойметъ, что такой муштрой можно обратить солдатскую голову въ пустой барабанъ и набить чѣмъ угодно.

Теперь, на третій годъ войны, ужъ не стоитъ и повторять подробно, почему случилась эта война и кто ея виновникъ. Не мы, конечно, даже не наше прошлое правительство, какъ ни много оно сдѣлало зла. Россія не хотѣла войны, и чужихъ земель ей не нужно: своихъ довольно. Россія, вмѣстѣ съ Франціей и Англіей встала на защиту обиженныхъ малыхъ странъ, Сербіи и Бельгіи, священныя права которыхъ нарушили Австрія и Германія. Нельзя было позволить нѣмецкому деспоту пользоваться своей силой и чужой слабостью; на разбойника должна быть управа. Онъ силенъ—но и мы не слабы; онъ окованъ желѣзомъ—но и у насъ сердце не изъ мякиша. Онъ нашелъ сильныхъ союзниковъ—но на нашу сторону стали всѣ остальные, почти весь міръ.

Мы, конечно, не ребята, и должны понимать, что не въ этомъ одномъ заключаются причины войны. Если простой народъ судитъ о войнѣ только по тому, *справедлива*-ли она,—то люди властные и богатые думаютъ больше о томъ *выгодна*-ли она для ихъ кармана. Для англійскихъ фабрикантовъ, напримѣръ, было-бы прямо гибельно, если-бы Германія взяла полный перевѣсъ въ торговлѣ. Поэтому Англіи все-равно приходилось ввязаться въ войну, чтобы не дать Германіи усилиться. И Америка вступила въ войну только тогда, когда ея выгоды отъ чужой распри стали уменьшаться и торговля

ея съ другими странами затруднилась. Личная выгода въ войнѣ— всегда первое дѣло. Но все же мы знаемъ, что смутила весь міръ именно Германія, что среди другихъ промышленныхъ разбойниковъ она—самый первый, и что она, въ своей жаждѣ наживы и владычества надъ міромъ, кровно обидѣла малые и беззащитные народы. Промышленники и правительства союзныхъ намъ странъ вступились за свои интересы, но народы этихъ странъ, какъ и нашъ народъ, потому одобрили эту войну, что сочли ее правой и справедливой.

Война началась при старыхъ порядкахъ въ Россіи, при прежнемъ правительствѣ. Но не оно вело войну! Оно умѣло швырять деньги, успокаивая насъ словами. Оно давно привело-бы насъ къ пропасти, если-бы на второй же годъ войны Россія земская и народная не взяла въ свои руки продовольствіе войска, помощь раненымъ и семьямъ убитыхъ, хозяйство въ тылу, даже выдѣлку снарядовъ, противогазовъ, поставку фуража, однимъ словомъ все то, что было можно взять на себя при прежнемъ правительствѣ, старавшемся вставлять палки въ колеса всякимъ общественнымъ начинаніямъ на пользу солдата въ окопахъ. Всѣ эти бани на позиціяхъ, солдатскія лавочки, раздача чистаго бѣлья, питательные пункты, вся солдатская утѣха—дѣло помощи общественной, а не казенная затѣя. Правительство этому не помогало, а наоборотъ— старалось мѣшать. Значитъ война уже и раньше была дѣломъ всенароднымъ, всѣми признаннымъ. Пусть война зло и несчастье, но разъ Германія вынудила насъ подняться и оружіемъ отражать ея нападеніе,—было-бы худшимъ несчастьемъ, тяжкимъ позоромъ подставлять спину подъ ея удары! И народъ призналъ эту войну за правое дѣло.

Оно правымъ остается и посейчасъ. На наше счастье, мы стали свободнымъ народомъ. Теперь ни продажный генералъ Сухомлиновъ, ни подручный ему предатель Мясоѣдовъ, ни русскій немецъ Штюрмеръ, ни германская надежда Александра Федоровна,— никто изъ нихъ не властенъ рѣшать за насъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, никто не сможетъ въ удобный моментъ перемѣнить фронтъ и отдать насъ на позоръ и во власть кайзеру Вильгельму, ихъ другу и пріятелю. И теперь, больше чѣмъ когда-либо, война стала народнымъ дѣломъ. Сами ее ведемъ, сами ее окончимъ, когда наша совѣсть и благо нашей родины это позволятъ.

2. Какъ Германія ошиблась.

Германія сильна. Она сорокъ лѣтъ готовилась къ этой войнѣ. Она не только успѣла запастись военными заводами, громадными

складами амуниціи, пушками, снарядами,—она и своихъ молодыхъ людей воспитывала на особый ладъ, готовя ихъ съ малыхъ лѣтъ къ войнѣ, внушая имъ съ самаго дѣтства, что сила Германіи въ ея войскѣ и флотѣ, что Германія призвана завоевать весь міръ и стать величайшимъ по силѣ государствомъ. Военный человѣкъ былъ въ Германіи первымъ человѣкомъ, на него чуть не молились, ему нельзя было перечить, а Вильгельмъ для нѣмцевъ былъ вторымъ Богомъ. Это было какой то военной слѣпотой, больнымъ самодурствомъ, за которое нѣмцы теперь расплачиваются дорогой цѣной. Они не хотѣли свободы и братства народовъ, они хотѣли быть господами всей земли. И господами ихъ должны были сдѣлать пушка и штыкъ.

Но они просчитались.

Первымъ показалъ имъ щетину смѣлый народъ бельгійскій. Германія ждала, что бельгійцы сразу ей подчинятся и пропустятъ черезъ свою страну германское войско, шедшее на Францію. Но свободные бельгійцы предпочли умереть въ борьбѣ, чѣмъ подчиняться насилію. И вступившимъ въ ихъ землю нѣмцамъ они оказали сопротивленіе и нанесли первый жестокій и неожиданный ударъ.

За Бельгію вступилась Англія, ея давняя покровительница. Нѣмцы на это также не разсчитывали, такъ какъ понимали, что сама Англія была въ безопасности и прямого разсчета ввязываться въ войну не имѣла. Но Англія вступилась и заперла для Германіи всѣ моря.

У Англіи такъ много военныхъ кораблей, что Германія не можетъ и думать выступить противъ нея со всѣмъ флотомъ, хотя и германскій флотъ очень силенъ. Поэтому германскіе военные корабли стоятъ въ защищенныхъ гаваняхъ, и только подводныя лодки разбойничаютъ на морѣ. Напасть на военное судно, снабженное пушками, онѣ не рѣшаются, и нападаютъ на торговые пароходы, тоня мирныхъ путешественниковъ, чтобы всѣхъ запугать и чтобы воспрепятствовать Англіи возить намъ товары.

Ошиблась и союзница Германіи, Австрія, думая, что она сразу сможетъ сломить маленькую Сербію. Первый походъ на Сербію кончился полнымъ разгромомъ австрійской арміи. Только черезъ годъ, съ помощью Германіи, австрійцамъ удалось побороть сопротивленіе сербскаго народа, завоевать и разрушить его страну. Нашимъ врагамъ помогла въ этомъ Болгарія, которую когда то мы освободили отъ турецкаго ига.

Ошиблись нѣмцы и въ своихъ надеждахъ однимъ сильнымъ натискомъ арміи взять Парижъ, столицу Франціи. Уже близки къ

Парижу были ихъ войска. Но французы боролись, какъ львы, и отбросили нѣмцевъ назадъ. Парижъ былъ спасенъ, а съ нимъ спасена честь Франціи.

И въ разсчетѣ на дружбу итальянцевъ нѣмцы ошиблись. Италія считалась съ давнихъ поръ союзницей Германіи и Австріи. Невыгоденъ былъ ей такой союзъ, но расторгнуть его она боялась. Однако пришло время и ей выбирать, къ кому присоединиться окончательно. Честный итальянскій народъ всталъ на сторону тѣхъ, кто казались ему правыми въ этой войнѣ; и въ лицѣ Италіи мы пріобрѣли новаго друга и союзника.

Разсчетъ поссорить Россію съ Японіей также не удался нѣмцамъ. Вышло наоборотъ: нашъ недавній врагъ сталъ теперь нашимъ другомъ и помогаетъ намъ, давая намъ оружіе изъ своихъ запасовъ.

На нашу же сторону стала Румынія, когда пришелъ ея чередъ. Наконецъ, къ намъ же примкнула и далекая богатая Америка, доставляющая въ Европу хлѣбъ, а намъ боевые припасы. Такимъ образомъ почти весь міръ ввязался въ эту великую войну народовъ, и противъ насъ оказались только четыре государства: Австрія, Турція и Болгарія, во главѣ съ Германіей.

Послѣдній разсчетъ Германіи былъ на безпорядки и смуту въ Россіи. Она хорошо понимала, что наши обычные русскіе непорядки должны въ военное время увеличиться, и что придетъ время, когда русскій народъ заропщетъ и заволнуется. Знала Германія и то, что русскій царь и его правительство ни за что не согласятся уступить народу, дать ему права самому рѣшать и вершить судьбу своего отечества. И вотъ Германія надѣялась, что при первыхъ серьезныхъ волненіяхъ правительство наше поспѣшитъ заключить съ ней отдѣльный миръ, хотя бы и съ проигрышемъ и невыгодный для Россіи—лишь бы не уступать народу власть. Возможно, что такъ бы оно и случилось, если бы нашъ государственный переворотъ не произошелъ такъ быстро, что ни царь ни его министры не успѣли и оглянуться, какъ оказались подъ арестомъ. А главное въ революціи приняла ближайшее участіе и наша армія,—а ужъ на это Германія, конечно, разсчитывать не могла.

Теперь осталась у Германіи одна, послѣдняя надежда: на наши внутреннія ссоры и несогласія. Россія еще не привыкла къ свободѣ и къ самоуправленью и не можетъ сразу завести у себя новыхъ строгихъ порядковъ. Понятно—всего сразу не устроишь. Если рабочіе у насъ пойдутъ въ разбродъ съ солдатами, если крестьяне, не дожидаясь Учредительнаго Собранія и общаго закона, начнутъ посвоему дѣлить помѣщичьи земли,—тогда снова

начнутся волненія, а это всегда на руку нашимъ врагамъ. Фабрики остановятся, снарядовъ дѣлать не станутъ, хлѣбные амбары разобьютъ и сожгутъ, солдаты побѣгутъ съ позицій домой принимать участіе въ дѣлежѣ земли,—и нѣмецъ безъ труда прорветъ нашъ беззащитный фронтъ и будетъ хозяйничать на русской землѣ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, надѣется Германія. Наше дѣло показать ей, что она снова ошиблась въ своихъ разсчетахъ.

3. Такъ не будетъ.

Да, этого не случится. Въ руку врагамъ отечества ни русскій рабочій, ни русскій крестьянинъ, ни русскій солдатъ не сыграютъ.

Смуты не будетъ. Будетъ порядокъ. Ни нашей молодой свободы, ни нашей дорогой страны мы не предадимъ.

Въ первые дни революціи мы и впрямь словно-бы потерял. отъ радости голову; хуже вина опьянила намъ голову свобода. Раздались даже голоса: „Бросайте ружья, будемъ мириться съ нѣмцами, они тоже сдѣлаютъ у себя революцію, прогонятъ свое правительство, побросаютъ ружья, побратаются съ нами!“

Хорошо бы такъ,—да пока этого не случилось! А затѣмъ нужно помнить, что не мы одни воюемъ и не съ одними нѣмцами. На нашей сторонѣ сражаются семь государствъ, да противъ насъ четыре. Разъ дано слово сражаться вмѣстѣ и мириться только по общему уговору,—слово нужно держать. Мы помиримся,—а нѣмцы тогда всѣми силами нападутъ на Францію! *Такого безчестія Россія не можетъ сдѣлать.* Если бы французы помирились съ нѣмцами, когда тѣ подходили къ Парижу,—что бы теперь было съ нами? Можетъ быть нѣмцы владѣли бы нашей Москвой! Нѣтъ, безъ общаго уговору мира заключать нельзя, нечестно! За то мы и старое наше правительство убрали, что отъ него можно было всегда ждать предательства,— ужели же мы сами станемъ предателями!

Еще случилось, что солдаты сгоряча стали убѣгать съ фронта и изъ запасныхъ казармъ въ деревню. Кто-то научилъ ихъ, что сейчасъ будутъ дѣлить землю между крестьянами; вотъ они и боялись опоздать къ дѣлежу.

Опять же это напрасно. Можно было прежде бояться всякаго обмана, теперь стыдно такъ думать. Теперь у насъ будетъ всенародное голосованіе, настоящіе выборные, радѣтели народныхъ нуждъ Когда ихъ изберутъ, пошлютъ на Учредительное Собраніе, — они сами рѣшатъ, какъ быть съ землей, какъ сдѣлать ее общимъ достояніемъ, чтобы никого зря не обидѣть, всѣхъ надѣлить, никому лишняго не передать и неоставить. Кто трудится, кто самъ ра-

ботаетъ—тотъ и земли получитъ. Но нужно постараться, чтобы все рѣшилось по справедливости, а не захватомъ, чтобы не вышло изъ счастья — горя, чтобы крестьянскій праздникъ не омрачался ссорами, драками, смутами, долгимъ несогласіемъ. Нужно рѣшать для всѣхъ одинаково, а не каждому за себя; а на такое рѣшеніе способны только вѣрные народные избранники. Пусть они подумаютъ, поговорятъ, разсудятъ, напишутъ законъ, объявятъ его,— и всѣ этому закону подчинятся.

Еще нигдѣ въ мірѣ никогда не было такого земельнаго передѣла, какой мы хотимъ сдѣлать. Примѣра намъ брать не съ кого. Какъ же можно рѣшать такое дѣло наспѣхъ, безъ взаимнаго всероссійскаго уговору, какъ хочется Ивану, да какъ кажется Петру Земля будетъ принадлежать всему народу, — весь народъ и порѣшитъ о ней черезъ своихъ избранниковъ. И нечего торопиться въ деревню хватать чужое изъ подъ носа у сосѣда. Земля не убѣжитъ. А вотъ если изъ за такихъ безпорядковъ ворвутся къ намъ нѣмцы, тогда и впрямь убѣжитъ къ нимъ земля, какъ уже убѣжала земля польская. Отдать легко, да вернуть мудрено!..

И рабочіе должны подумать. Ихъ дѣло тяжелое, это всякій знаетъ. Рабочій правъ, когда онъ заявляетъ, что и ему нуженъ отдыхъ, что его законное право работать только восемь часовъ въ день, потому что восемь другихъ нужно для сна, а остающіеся восемь часовъ онъ хочетъ имѣть для отдыха, для чтенія, для образованія. Это понятно и справедливо. Но когда родина въ опасности, тогда всѣ должны работать дольше, чѣмъ хотѣлось бы. Вѣдь и солдатъ въ траншеяхъ работаетъ, а не баклуши бьетъ, и ему хочется и поспать и отдохнуть. Однако случается ему проводить безъ сна и безъ пищи цѣлыя сутки и больше напролетъ, да еще подъ непріятельскимъ огнемъ. Солдатъ—тотъ же рабочій, а рабочій—въ военное время тотъ же солдатъ. Гдѣ можно—пусть теперь работаютъ только восемь часовъ, а гдѣ нельзя, гдѣ требуется работа усиленная, тамъ надо погодить со своими мечтами. Заключимъ миръ—тогда всѣ отдохнемъ. Сейчасъ объ отдыхѣ думать еще слишкомъ рано. Сейчасъ нужно собрать всѣ силы, запастись терпѣніемъ, дѣлать снаряды, отливать пушки, готовить фуражъ, помогать солдату въ его тяжелой борьбѣ съ непріятелемъ. Вѣдь если этотъ солдатъ не защититъ насъ, тогда прощай и наша свобода, и нашъ земельный законъ, и нашъ восьмичасовой рабочій день! Вернется все старое, если не будетъ еще хуже прежняго!

Нѣтъ, рабочій не броситъ станка, солдатъ не покинетъ роты, крестьянинъ не станетъ самовольно забирать себѣ землю, и любезной нѣмцами смуты въ Россіи не будетъ и быть не должно!

4. Россійское воинство.

Мы должны побѣдить; и это будетъ побѣдой права надъ безправіемъ, побѣдой справедливости надъ насиліемъ, закона надъ произволомъ.

Наше русское воинство должно обезпечить союзникамъ побѣду. Можетъ быть мы, русскіе, не храбрѣе и не лучше другихъ, но вѣрно одно, что *нигдѣ нѣтъ въ мірѣ войска, свободнѣе и счастливѣе нашего.*

Наше старое правительство хотѣло, чтобы русское войско было противъ народа, чтобы солдаты стрѣляли въ рабочихъ и крестьянъ, чтобы они защищали дворцы царя и разрушали союзъ народный. А вышло наоборотъ: наше войско встало во главѣ революціи, свергло царя, убрало министровъ, и, въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ, сдѣлало Россію свободной страной. Великая честь выпала на долю русскаго солдата и офицера!

Враги наши думаютъ, что русское войско стало бунтующей толпой, что оно уже неспособно сражаться, что свобода ему повредила. Нѣтъ, ошибаются наши враги!

Не въ суровой муштрѣ сила войска! Не въ томъ, чтобы солдата били по лицу и ставили подъ ружье за каждую провинность, И не въ томъ, чтобы его держать въ темнотѣ, не допуская до него газетъ и книжекъ, заставляя его зубрить „словесность", не позволяя ему говорить и думать о своихъ нуждахъ.

Сила войска въ его бодромъ и свободномъ духѣ. Солдата—раба можно гнать на позиціи хоть палкой, — да толку въ этомъ мало; если онъ трусъ,—онъ либо убѣжитъ, либо сдастся въ плѣнъ. Солдатъ свободный идетъ самъ, и свободу свою самъ умѣетъ защищать. Если нужно умереть за родину—онъ умретъ стойко, какъ солдатъ—гражданинъ, а не потому, что за его спиной ему грозятъ разстрѣломъ.

Солдатская свобода не безпорядокъ. Она лишь сначала кажется непривычной. Не привыкъ солдатъ къ хорошему обращенью, не привыкъ и офицеръ быть простымъ старшимъ товарищемъ солдата. Привыкнутъ! И когда привыкнутъ — увидятъ, что такъ легче и лучше, такъ дружнѣе воевать за общее дѣло, за счастье общей родины.

Пусть офицеръ останется командиромъ. Но не потому подчиняется ему солдатъ, что этотъ офицеръ—баринъ, а солдатъ—мужикъ; а потому, что въ войскѣ командиръ нуженъ для порядка безъ команды нельзя. Командиръ будетъ старшимъ товарищемъ онъ опытнѣе, онъ образованнѣе, онъ больше знаетъ, ему лучше

довѣриться, чѣмъ первому деревенскому парню. Если же онъ оказался плохимъ, если онъ трусъ и не сумѣлъ найти у солдата уваженье,—тогда пускай этого офицера уберутъ и замѣнятъ другимъ. Трусовъ въ арміи не нужно, ни генераловъ, ни солдатъ. И грубыхъ людей, не умѣющихъ уважать въ солдатѣ гражданина, также не нужно въ дѣйствующей арміи; пускай сидятъ въ тылу и учатся тамъ уму-разуму. Тамъ ихъ научатъ человѣческому обращенію.

Офицеръ есть первый солдатъ въ солдатскихъ рядахъ. И первый долженъ быть лучшимъ, долженъ итти впереди всѣхъ. За это ему уваженіе, за это его слушаютъ. Онъ прикажетъ—и всякій долженъ подчиниться. Ему, любимому начальнику-товарищу, солдаты отдаютъ свою волю и вручаютъ свою судьбу. На войнѣ его слово — законъ. Не въ томъ заключается солдатская воля, чтобы не отдавать офицеру чести и отвѣчать ему дерзко. Это не воля, а безпорядокъ, хулиганство. Солдатская воля въ томъ, чтобы подчиняться свободно тому, кого уважаешь и любишь, кому вѣришь, съ кѣмъ готовъ итти къ побѣдѣ или вмѣстѣ лечь въ братскую могилу. О нелюбимомъ же офицерѣ солдаты могутъ, съ общаго рѣшенья, заявить, чтобы его отъ нихъ убрали. Не гнать его самоуправно (опять выйдетъ безпорядокъ!), а заявить степенно, всей ротой, и спокойно ждать, пока придетъ рѣшеніе и офицера уберутъ въ другое мѣсто или совсѣмъ изъ арміи. И такія заявленія нужно дѣлать съ великой осторожностью и осмотрительностью, только въ крайнихъ случаяхъ, а не здорово-живешь, не по подговору двухъ-трехъ пылкихъ-зачинщиковъ. Это — дѣло серьезное. Иной человѣкъ кажется плохимъ, а подойди къ нему ближе, узнай его получше, — онъ совсѣмъ иной. Во всемъ этомъ нужно хорошо разбираться.

Солдатская воля не самовольство, а великое право и великая отвѣтственность. Свободный солдатъ самъ за себя отвѣчаетъ передъ родиной. *Съ полной волей жить не легче, а много труднѣе,* такъ какъ за каждый свой поступокъ самъ отвѣчаешь, а на другого свалить вину не приходится.

Не легко и офицерамъ, и имъ нужно къ новымъ порядкамъ долго привыкать. Ихъ обязанности стали теперь еще сложнѣе, еще суровѣе. Теперь они на виду, теперь они въ отвѣтѣ не только передъ высшимъ начальствомъ, а и передъ всѣмъ командным составомъ, и передъ всѣми своими солдатами. Раньше ихъ дѣломъ было только командовать да учить солдатъ глупой и ненужной „словесности“. Теперь они, какъ старшіе, должны разъяснять солдатамъ всякій вопросъ, который тѣмъ непонятенъ. Теперь ихъ

языкъ развязанъ,—иди и учи младшаго боевого товарища тому, что самъ узналъ изъ жизни и выучилъ въ школѣ. И трудно все это и хорошо. Нѣтъ и не будетъ для офицера лучшаго счастья, какъ если онъ сумѣетъ привлечь къ себѣ солдатскую любовь и солдатское уваженье. Тогда за нимъ пойдетъ любой, тогда его слово будутъ ловить на лету и цѣнить, какъ золото. Безъ ругани, безъ крика, однимъ спокойнымъ приказаніемъ онъ поведетъ своихъ солдатъ, куда захочетъ, хоть въ самое пекло, въ сильнѣйшій артиллерійскій огонь, въ опаснѣйшую атаку на непріятеля. И пойдутъ дружно вмѣстѣ съ нимъ, и поддержатъ его, и даже не осудятъ его за случайныя ошибки, которыя всегда и вездѣ возможны. Лишь бы вѣрили ему, лишь бы уважали въ немъ справедливаго человѣка, добраго начальника и вѣрнаго солдатскаго друга-товарища.

И вотъ, если между русскимъ солдатомъ и офицеромъ будутъ такія хорошія отношенія, тогда не найти будетъ войска, лучше и сильнѣе нашего. Взаимное уваженье—самая лучшая дисциплина; ея не замѣнить ни наказаніями, ни судомъ, ни угрозой разстрѣла.

Не сразу все это случится; сразу люди и отношенья между ними не мѣняются. Нужно терпѣливо ждать и хорошенько слѣдить за самими собой, привыкая къ новымъ порядкамъ, не торопясь расправляться по своему съ офицеромъ и вольничать. Разрушить все легко, да создать трудно.

Войско—сила. Войско сознательное, дружное, цѣльное—сила вдвойнѣ. Эта сила должна охранить нашу молодую еще свободу, она должна довести войну до побѣды. Эта побѣда—не въ въ завоеваніи чужихъ земель, а въ завоеваніи права всѣхъ народовъ на покойную и мирную жизнь. Право это нарушено Германіей: пусть же Германія подчинится силѣ, если ей не хватаетъ разума и совѣсти!

5. Когда война кончится?

Война кончится тогда, когда Германія признаетъ себя побѣжденной.

Намъ дорого не то, чтобы унизить народъ германскій, этого намъ не нужно, и виновникомъ войны мы считаемъ не нѣмецкій народъ, а нѣмецкое правительство. И даже не одно нѣмецкое: всѣ старыя правительства виноваты въ томъ, что довели міръ до кровавой распри своимъ дурнымъ управленіемъ. Всѣ они стремились къ захвату чужой земли, всѣ наперерывъ, одно передъ

другимъ, тратили народныя деньги на вооруженье, на пушки, на крѣпости, на военные корабли. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ народные представители принимаютъ широкое участіе въ государственныхъ дѣлахъ, даже и тамъ дѣло военное стояло особо и право объявлять войну оставалось за главой государства.

Но Германія всегда шла впереди всѣхъ въ этомъ дѣлѣ, тратя на вооруженье столько денегъ и содержа подъ ружьемъ столько солдатъ, что и остальнымъ государствамъ приходилось тянуться за ней, чтобы не оказаться на случай войны слишкомъ слабыми. Германія завела въ мірѣ солдатчину, она всегда была угрозой міровому покою, она хотѣла сдѣлаться сильнѣйшимъ государствомъ, господиномъ всей Европы. И вотъ теперь, чтобы упрочить надолго миръ на землѣ, нужно сломать тотъ самый штыкъ, на который Германія молилась и хотѣла заставить всѣхъ молиться.

Прежде всего нужно сломить ея военную гордость; затѣмъ нужно возстановить справедливость и вернуть маленькимъ народамъ то, что отнято у нихъ въ эту войну и въ прежнія войны.

Чужимъ никто владѣть не долженъ. Пусть каждый народъ получитъ обратно ту землю, которой владѣли его дѣды и прадѣды, съ которой онъ сжился сроднился. Полякамъ нужно отдать всю Польшу, сербамъ всю Сербію, армянамъ—Арменію, бельгійцамъ—Бельгію. Не всегда возможно точно разсчитать, кому какая земля придется по справедливости и по праву. Но есть хорошій способъ: опросить само населеніе, кѣмъ оно себя считаетъ, хочетъ ли оно пристать къ какому государству, или оно само считаетъ себя въ силѣ и въ правѣ основать свое государство и управляться особо. Это во многихъ мѣстахъ возможно сдѣлать, а гдѣ не выйдетъ соглашенія, тамъ пускай рѣшитъ особый судъ, составленный изъ представителей разныхъ народовъ.

Теперешнія границы между государствами неправильны. Поляки разбиты по тремъ государствамъ (Россія, Австрія, Германія), украинцы живутъ и у насъ и въ Австріи, сербы въ Сербіи и въ Австріи, итальянцы въ Италіи и въ Австріи. Эта Австрія словно вся сшита изъ лоскутковъ (сербы, кроаты, венгры, нѣмцы, итальянцы, поляки, чехи, украинцы); поэтому и управлялась она не столько согласіемъ, сколько раздорами. И у насъ въ Россіи выходили неспорядки по той же причинѣ. Мы должны бы дать свободное управленіе полякамъ и финляндцамъ, а наше старое правительство, вмѣсто того старалось ихъ подмять подъ себя, запрещало имъ рѣшать свои дѣла по своему, вмѣшивалось въ ихъ жизнь, путалось у нихъ подъ ногами. Это несправедливо и неправильно и послѣ войны этого быть не должно.

Миръ нужно заключить на такихъ условіяхъ, чтобы каждый народъ получалъ право самъ опредѣлить свое будущее, свободно, безъ чужой указки. Но одно нужно оговорить повсюду: права гражданъ во всякомъ государствѣ должны быть равны. Мы у себя, въ великой Россіи, уравняли въ правахъ русскаго съ татариномъ, съ евреемъ, съ полякомъ, съ армяниномъ, со всякимъ другимъ человѣкомъ. И, конечно, не для того проливается кровь въ этой великой войнѣ, чтобы послѣ освобожденные народы стали на своей землѣ стѣснять одинъ другого, большинство давить меньшинство. Поляки не должны тѣснить евреевъ въ освобожденной Польшѣ; и Финляндія, которой уже вернули ея права и самоуправленіе, не должно дѣлать разницы между финномъ, шведомъ, русскимъ или евреемъ. Неравенству повсюду будетъ положенъ предѣлъ.

Найти справедливыя условія для заключенія мира не такъ легко. Есть много очень спорныхъ вопросовъ, надъ которыми придется подумать хорошо. Между Италіей и нынѣшней Австріей лежитъ земля Истрія, гдѣ въ городахъ живутъ итальянцы, а въ селахъ славяне и румыны; на Балканскомъ полуостровѣ есть цѣлый край, Македонія, гдѣ сербы, болгары и греки такъ перемѣшаны, что земля ихъ всегда была и сейчасъ остается спорной. Почти поровну живетъ нѣмцевъ и французовъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, русскихъ и нѣмцевъ въ Ригѣ, украинцевъ и русскихъ въ кіевской губерніи. Если начать дробить всѣ земли между разными народностями, то образуется много маленькихъ государствъ, которымъ самостоятельно все равно не просуществовать, которыя все равно должны будутъ послѣ либо войти въ составъ большихъ, либо слиться въ одно. И, вообще, нужно стремиться не къ тому, чтобы всѣмъ раздѣлиться, а чтобы всѣмъ сговориться, какъ жить рядомъ въ мирѣ на общую пользу. Въ недалекомъ будущемъ мы должны добиться въ Европѣ союза большихъ и мелкихъ государствъ, живущихъ дружно и мирно, рѣшающихъ дѣла совмѣстно. Это будутъ какъ бы большія и самостоятельныя общины съ выборнымъ верховнымъ управленіемъ.

Пока же, заключая миръ, нужно прежде всего условиться, чтобы впредь не строились крѣпости, не заводились пушечные заводы, не готовили одинъ для другого войну и смерть. Довольно пролито крови, время образумиться. *Великая міровая война пусть такъ окончится, чтобы была она послѣдней человѣческой войной.*

Такого рѣшенія отъ теперешнихъ правительствъ мы ждать не можемъ. Пока въ разныхъ государствахъ остаются короли и

монархи, пока не всюду еще представителя народа избираются правильно, прямымъ, всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, пока не вездѣ власть народа стала единственной властью,— будущій прочный и вѣчный миръ не будетъ обезпеченъ. Вотъ почему мы хотѣли бы, чтобы во всѣхъ странахъ народы потребовали себѣ полной воли и полныхъ правъ, и чтобы миръ заключили не случайныя и временныя правительства, а свободные народы по свободному, ни чѣмъ не стѣсненному рѣшенію.

Пусть объ этомъ пока можно только мечтать. Однако то, что сдѣлали мы, могутъ сдѣлать и другіе. Наше будущее Учредительное Собраніе конечно провозгласитъ въ Россіи республику, полное народовластіе. Нашъ государственный переворотъ да послужитъ и другимъ наукой и примѣромъ. Европа всегда шла въ дѣлѣ политической свободы впереди Россіи; она не отстанетъ и теперь,—и скоро мы услышимъ и узнаемъ о крупныхъ перемѣнахъ повсюду, объ удаленіи королей и водвореніи повсюду новаго свободнаго строя.

6. Скоро-ли?

Такъ хотѣли-бы мы заключить миръ.

Но скоро-ли наступитъ время для этого?

Скоро-ли прекратится рѣзня и кровопролитіе?

Думается, что теперь уже скоро. Старый порядокъ имѣетъ лишь одного, еще слишкомъ сильнаго друга: Германію. Только эта страна не оставила мечтаній о міровомъ господствѣ, только ея народъ соглашается терпѣть свое правительство и безропотно подчиняться своему Вильгельму.

Но силы Германіи слабѣютъ. Она умѣло расходуетъ свои припасы, она еще богата снарядами и крѣпко держится на фронтахъ. Однако чудесъ не бываетъ, и Германія сдастся. Уже мало остается въ ней здоровыхъ и молодыхъ солдатъ, уже голодаютъ въ тылу, уже ропщетъ и ея народъ. Если хоть одинъ крупный военный неуспѣхъ выпадетъ на ея долю за нынѣшнее лѣто, если, напримѣръ, намъ удастся прорвать нѣмецкій фронтъ, — у народа германскаго пропадетъ послѣдняя вѣра въ свое правительство и послѣднее терпѣніе. И война можетъ окончиться такъ же внезапно, какъ она началась.

И значитъ—намъ нужно крѣпко и дружно держаться: съ запада французы и англичане, съ востока мы. Силъ у насъ еще хватитъ надолго. Тѣ, кто остается въ странѣ и не должны итти на фронтъ,—отъ тѣхъ мы будемъ ждать поддержанія въ странѣ

порядка, спокойствія, и умѣлой заботы о продовольствіи войска, деревни и городовъ. Чѣмъ лучше и крѣпче въ тылу, тѣмъ спокойнѣе солдату на фронтѣ, тѣмъ ему легче, тѣмъ ему сытнѣе.

Рабочіе, которыхъ освобождаютъ отъ военной службы, должны всѣ свои силы отдать на подготовку для арміи снарядовъ и необходимыхъ вещей. Крестьяне, оставленные въ деревнѣ по возрасту, женщины, ребята—всѣ должны усердно трудиться для родины, которая требуетъ отъ нихъ подвига. И не одна наша родина, а и весь міръ. Ибо сейчасъ рѣшается судьба не одной Россіи, а всѣхъ народовъ,—быть-ли имъ свободными, покончить-ли имъ навсегда съ войнами и съ насиліемъ? Если сдастся послѣдній оплотъ мрака и военной гордыни, Германія,—тогда міръ вступитъ на новый, свѣтлый путь свѣта и братства народовъ.

7. Международные суды и вѣчный миръ.

Если міровая война окончится такъ, какъ мы говорили, если условіемъ мира будетъ поставлено прекращеніе вооруженій и право каждой народности свободно опредѣлить свое будущее самостоятельное управленье,—тогда мы можемъ разсчитывать на долгій миръ. А чтобы упрочить этотъ миръ нужно будетъ ввести обычай рѣшать всѣ споры третейскимъ международнымъ судомъ.

Споры будутъ; скоро люди не передѣлываются, а люди слишкомъ привыкли рѣшать эти споры оружіемъ; и потребуется, конечно, не мало времени, прежде чѣмъ всѣ поймутъ, что разумъ человѣческій сильнѣе всякаго оружія. Если Германіи не удастся стать владычицей міра, если ея гордыя мечты разрушатся,—міровой войны болѣе не повторится. Но отъ вооруженныхъ столкновеній небольшихъ народовъ мы не застрахованы и впредь, пока не образуется во всей Европѣ дружескій союзъ государствъ.

Международный третейскій судъ будетъ заключаться въ томъ, что спорящіе государства и народы будутъ обязательно обращаться либо къ третьему государству, которому они согласятся довѣрить разрѣшеніе ихъ спора, либо же къ постоянному международному суду, въ который войдутъ представители всѣхъ самостоятельныхъ государствъ Европы. И рѣшеніе такого суда будетъ окончательнымъ и обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, которыя должны будутъ всякому рѣшенію подчиниться. Иначе, при несогласіи подчиниться, имъ придется считаться ужъ не съ однимъ противникомъ, а со всѣми странами, судъ которыхъ они оскорбятъ нежеланіемъ съ нимъ считаться и исполнить его рѣшеніе.

Опыты такихъ международныхъ судовъ уже были. Была даже

попытка создать въ городѣ Гаагѣ, столицѣ Голландіи, постоянный международный третейскій судъ. Изъ попытки этой пока ничего не вышло путнаго, главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ у правительствъ не было искренняго желанія прекратить навсегда войны. Вѣдь война многимъ выгодна, многимъ на-руку. Отъ войны наживается заводчикъ, работающій на армію, отъ нея богатѣетъ всякій ловкій мошенникъ, умѣющій въ смутное время дешево купить и дорого продать. Если даже случается, что война оправдывается и одобряется самимъ народомъ, то это значитъ только, что народъ соглашается нести ея тягости, выгоды же ея достаются не ему, а богатымъ промышленнымъ сословіямъ. А въ государствахъ, гдѣ настоящаго народоправія нѣтъ или оно еще не утвердилось прочно, именно такіе люди и близки къ власти, именно въ ихъ рукахъ и вся сила. Понятно, что отъ нихъ и отъ правительствъ, которыя ихъ интересы поддерживаютъ, искренняго миролюбія ожидать нельзя.

Международный судъ возможенъ только среди свободныхъ народовъ, способныхъ другъ друга уважать, желающихъ мира искренно. Если мы вѣримъ, что послѣ этой войны наступитъ миръ прочный, то именно потому, что ждемъ во всѣхъ государствахъ такой же перемѣны старыхъ порядковъ на новые, лучшіе, какая создана у насъ февральской революціей. Кромѣ того, теперь народы убѣдятся, что рѣшать споры оружіемъ нѣтъ выгоды; для отдѣльныхъ людей, для ихъ наживы, это можетъ быть и выгодно, а для цѣлыхъ народовъ всегда проигрышъ, чѣмъ бы война ни окончилась.

Прежнія попытки рѣшать споры международнымъ судомъ не удавались и потому, что принудить къ этому нельзя было никого. Какъ было принудить Германію итти на судъ, когда на ея сторонѣ была военная сила? Вотъ если мы сможемъ ей доказать, что ея силы недостаточно, чтобы бороться противъ всѣхъ,—тогда она запроситъ мира, и тогда она согласится подчиниться международному рѣшенію.

Если споры будутъ рѣшаться судомъ,—тогда и въ прежнихъ расходахъ на вооруженіе не будетъ больше нужды, и постоянное войско не потребуется, и не къ чему будетъ крестьянину и рабочему надѣвать сѣрую шинель и жить въ казармахъ, когда дома поле не досѣяно, хлѣбъ не сжатъ, работы много, а работать некому. Вмѣсто постояннаго войска будетъ народная милиція, вродѣ ополченія *). Не сразу, конечно, а мало-по-мало народы будутъ

*) О томъ, что такое народная милиція и какъ ее устроить, у насъ издается особая книжка.

разоружаться, и забудется время, когда по чьему—невѣдомо приказу, для чьей—невѣдомо надобности, братъ убивать брата, русскій нѣмца, болгаринъ серба, австріецъ итальянца. Когда придетъ такое счастливое время—трудно сказать; но оно придетъ, мы въ это должны вѣрить и къ этому должны стремиться. Пусть *вѣчный миръ* будетъ нашей лучшей мечтой.

И когда вамъ скажутъ, что вы мечтаете о невозможномъ, что люди злы, что неправда сильнѣе правды, что безъ войнъ не прожить,—отвѣчайте смѣло:

— Люди злы по темнотѣ и невѣдѣнію. Мы сдѣлаемъ казармы ненужными и откроемъ въ нихъ школы. Вмѣсто военной команды мы услышимъ въ нихъ голосъ учителя. Вмѣсто блеска штыковъ мы увидимъ сошедшій на насъ свѣтъ разума и просвѣщенія.

— Неправда сильна, но мы, молодые, сумѣемъ заставить ее подчиниться правдѣ. То, что было въ прошломъ, намъ не указъ. Мы вѣримъ въ будущее счастье, и мы сами—кузнецы этого счастья.

— Мы знаемъ, что время войнъ проходитъ и пройдетъ. Силой оружія мы уничтожимъ въ мірѣ оружіе. Этой войной мы уничтожимъ войну въ будущемъ. Она будетъ побѣдная, такъ какъ она должна быть послѣдней. Когда мы сломаемъ штыкъ въ рукахъ самаго страшнаго защитника войны—мы сможемъ затѣмъ сломать и нашъ штыкъ; безъ этого мы получимъ измѣнническій ударъ въ спину. Побѣжденные—мы должны будемъ подчиниться побѣдителю, которому мы не вѣримъ; побѣдители—мы вырвемъ у него оружіе и, взявъ и его и нашу саблю, сломаемъ ихъ вмѣстѣ, запретивъ впредь пускать ихъ въ ходъ. Его побѣда нужна ему одному; наша побѣда нужна намъ обоимъ, нужна всѣмъ народамъ, дорожащимъ своей свободой и честью, желающимъ вѣчнаго мира.

Пусть мы—мечтатели. Но наши мечты священны, и мы отъ нихъ не отступимся. Мы объявили войну войнѣ, и мы купимъ нашей побѣдой царство правды, вѣчный миръ и братство народовъ.

Серія народныхъ брошюръ на современныя политическія темы.

«СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ».

(Подъ ред. Е. Н. Ефимова, М. А. Осоргина, Т. И. Полнера и Б. И. Сыроѣчковскаго).

* 1. Великіе дни. А. М. Шубертъ.
* 2. Какъ старое правительство довело Россію до революціи. К. В [illegible]новъ
* 3. Послѣдній изъ дома Романовыхъ. В. Е. Сыроѣчковскій.
* 4. Временное правительство. Б. Е. Сыроѣчковскій.
5. Борцы за свободу. М. А. Осоргинъ
* 6. Учредительное собраніе. Е. Н. Ефимовъ.
* 7. Всеобщее избирательное право. Е. М. Побѣдина.
8. Равноправіе женщинъ. Е. Д. Кускова.
9. Выборъ народныхъ представителей. А. [illegible]вичъ.
* 10. О свободахъ въ свободныхъ странахъ. Н. [illegible] Кабановъ
* 11. Какъ защищалось самодержавіе. Б. Д. Федоровъ.
12. Республика или монархія. Т. И. Полнеръ.
* 13. Министры, отвѣтственные передъ страной. Н. П. Губскій
* 14. Одна или двѣ палаты. Н. А. Кабановъ.
15. Единое государство и союзъ государствъ. А. Ѳ. Саликовскій.
16. Польша. И. С. Рябининъ.
17. Украйна. С. А. Ефимовъ.
* 18. Церковь въ новой Россіи. С. П. Мельгуновъ.
* 19. Свобода совѣсти. Н. Д. Шаховская.
20. Какъ надо преобразовать церковь. И. М. Громогласовъ.
* 21. Свобода, равенство, братство. Н. И. Тимковскій.
* 22. Свободный народъ. В. А. Розенбергъ.
23. Солдатъ и офицеръ. В. И. Лебедевъ.
24. Новая армія. В. И. Лебедевъ.
25. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
* 26. Какъ нужно преобразовать наши городскія думы. Е. А. Звягинцевъ.
27. Народное земство. Е. А. Звягинцевъ.
* 28. Мелкая земская единица или волостное земство. Е. А. Звягинцевъ.
29. Полиція и милиція. П. В. Всесвятскій.
30. Судъ и наказаніе. И. Н. Сахаровъ.
* 31. Темныя силы. (Распутинъ и др.). А. Михайловъ.
32. Романовъ въ исторіи. В. В. Филатовъ.
* 33. На чемъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ царей. В. Н. Перцевъ.
* 34. Пѣсни о свободѣ. И. Н. Розановъ.
* 35. Отчего загорѣлась великая европейская война. Н. П. Огановскій.
* 36. Война сто лѣтъ назадъ и теперь. К. В. Сивковъ.
* 37. Враги-ли евреи русскому народу. Н. П. Огановскій.
* 38. Будемъ трезвы. С. И. Бондаревъ.
* 39. Народъ—хозяинъ. А. Б. Петрищевъ.
* 40. Новый законъ о городскихъ выборахъ. Е. А. Звягинцевъ
* 41. Паденіе царской власти. В. Короленко
* 42. Про нынѣшнюю войну и про вѣчный миръ. М. А. Осоргинъ
* 43. Новый законъ о земельныхъ комитетахъ. Е. Н. Ефимовъ.
* 44. Какъ будутъ избираться волостные земскіе гласные. Е. А. Звягинцевъ.
* 45. Новый законъ о выборахъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ. Е. А. Звягинцевъ
* 46. Красный адмиралъ. В. А. Розенбергъ.
* 47. Демократическая республика. Е. Н. Ефимовъ.

Земствамъ, кооперативамъ общественнымъ и партійнымъ организаціямъ при массовыхъ заказахъ для раздачи—скидка по соглашенію.

Кн-во „ЗАДРУГА", Москва, Крестовоздвиженскій пер., д. 9; отдѣленіе въ Петроградѣ: Гончарная, 24.